

«... Именно благодаря мне мы победили. Я был тем, кто помог Гарри победить «Сам-Знаешь-Кого» и позволил ему стать «Человеком-Кто-Победил». Как это было почти ритуалом с тех пор, как Лорд Волдеморт был побежден, Рон вернулся к своему хвастовству стайкой, состоящей в основном из ведьм и нескольких волшебников, которые жаждали услышать от «Золотого Трио» об их роли в Великой войне, цепляющихся за каждое его слово. Если кто-то заметил, что тот, кого провозгласили лучшим другом Гарри Поттера, не осмелился произнести имя Темного Лорда, которого он якобы помог победить, никто даже не был в состоянии указать на это, так как они были очарованы описание смелых подвигов.

Мысленно вздохнув, Гарри позволил этому ускользнуть; он не мог уличить Рона в этом, по крайней мере, не перед всеми этими людьми и не сделать из него лжеца; в каком-то смысле Рон помог Гарри. Гарри всегда знал, что у Рона была склонность преувеличивать, может быть, это было связано с его тягой к вниманию в детстве или просто с его желанием быть в центре внимания вместо своего более известного друга, Гарри Поттера, Гарри не знал, но его молчание подлило масла в огонь, и сказки Рона стали более причудливыми. Кроме того, Гермиона выглядела счастливой на руке Рона; если она была счастлива, Гарри был счастлив.

Как Дамблдор однажды сказал ему на первом курсе: «... это был тщательно охраняемый секрет, и поэтому, естественно, все в замке знают об этом...» Их деятельность в течение всего года была тайной, и поэтому все хотели знать, чем они занимались. Гарри никогда не был известен тем, что искал внимания, и с Гермионой, казалось бы, поддерживающей Рона, рыжеволосый постепенно стал звездой их маленькой группы. Более того, его слова начали подразумевать, что Гермиона была мозгом операции, а собственная роль Гарри заключалась только в финальной битве, чтобы запереть палочки с Волдемортом, а затем убийственное проклятие снова ударило по Темному Лорду. Это было только пророчество, которое сделало Гарри спасителем, и хотя Рон не вышел, чтобы сказать, что он был «Спасителем», его смысл был очевиден для всех слушателей.

На одном из таких праздничных собраний, когда Гермиона нагло проигнорировала неприкрытую ложь, извергаемую ртом ее парня, Гарри больше не мог этого выносить. После смерти Волан-де-Морта Гарри почувствовал тупую пульсирующую боль возле сердца, которую он представлял эмоциональной болью всякий раз, когда видел Гермиону, обнимающую Рона, но в последнее время эта боль стала больше походить на физическую боль, чем на эмоциональную. Гарри не мог понять, что это за боль; он никогда не слышал о таких вещах, и после более чем года поиска подсказок, чтобы победить Темного Лорда Волан-де-Морта, он теперь хорошо разбирался во всех видах боли, у которых не было определенного источника происхождения. У него были сомнения относительно причины боли, и если он был прав, то он ничего не мог сделать, чтобы успокоить свою боль, поскольку знал, что он уже потерял одну вещь, или, точнее,

Сердце Гарри разбилось от слепой преданности Рону, граничащей с безрассудством Гермионы. Девушка со строгим моральным кодексом превратилась в кого-то, кого он больше не узнавал, и его сердце плакало от горя, заставляя его отвернуться от радостно щелкающих фотографов. С низко опущенной головой Гарри вышел из зала, планируя аппарировать на площадь Гриммо и утопить свои печали и боль в серьезном запое, который он почти всегда откладывал, но теперь это было бы долгожданным облегчением боли.

Гермиона уловила вспышку эмоций на лице лучшей подруги и тут же пожалела о своей

ошибке; ей было стыдно за себя. В своем увлечении рыжеволосой она игнорировала своего другого друга и того, кого она считала своим лучшим другом, даже через всю драму их шестого года в школе. Что еще более важно, она поддерживала идею, которая превращала Рона в нечто, чем он явно не был. Да, Гарри не любил огласки, но это не означало, что она, которой Гарри доверял больше всех на свете, могла с улыбкой смотреть, как его имя вымазывается грязью. Она знала, кто был настоящим спасителем не только волшебного мира, но прежде всего себя. Гарри буквально умер за них;

Гермиона не могла честно сказать, почему она решила не поправлять Рона, как только его рассказы стали граничить с выдумками; не то чтобы они уже были женаты, и поэтому она была волшебным образом связана со своим мужем. Да, она хотела выйти замуж за своего рыжеволосого друга, но никогда не хотела этого за счет своей дружбы с Гарри. Глядя на уныние и разочарование на лице Гарри, она знала, что находится на пороге потери своего лучшего друга, друга, на которого она сильно полагалась, когда была изгоем в Хогвартсе. Он был винтиком, который скреплял так называемое «Золотое трио», а не запасным колесом, каким Рон начал изображать Гарри.

Не обращая внимания на попытки Рона удержать ее, Гермиона бросилась за Гарри, который приближался к точке появления. Ускорив шаг, она позвала черноволосого волшебника: «Гарри! Подожди, пожалуйста, Гарри».

Гермиона была потрясена, увидев слезы, льющиеся из этих изумрудно-зеленых глаз. Чувство предательства, столь ясно запечатлевшееся на его лице, вышибло у нее дыхание и на мгновение лишило ее дара речи. Гарри ждал, пока она заговорит, но когда она ничего не выдала, он озвучил свои мысли: «Я понял, Гермиона! Ты не любишь меня так, как любишь Рона; я всегда принимал это. год даже после волшебной ночи, которую мы разделили». Несмотря на ситуацию, его намек на ту ночь вызвал яростный румянец на ее щеках; это была поистине волшебная ночь.

Гарри продолжал больше не заботиться о чувствах Гермионы: «Я даже потакал фантазиям Рона; я позволил ему быть в центре внимания только потому, что он всегда жаждал внимания. один, чтобы держать нас всех на земле, теперь забыл все, что ты сам проповедовал. Ты всегда был готов наказать меня, когда дело касалось моих ошибок, но с Роном ты почти подстрекал его лгать всему миру ».

Его эмоции, потраченные во время его разглагольствования, Гарри просто вздохнули: «Я никогда не хотел этой Гермионы, всей этой славы, всего этого внимания. Если бы я знал, что это принесет мне только больше горя, я бы с радостью остался мертвым в ту ночь Хэллоуина или в ночь на кладбище, или в Министерстве, или даже в финальной битве. Я всегда сопротивлялся, потому что у меня была ты. Теперь я не узнаю женщину, в которую ты превращаешься, ушла хладнокровная и рациональная Гермиона; я не хочу, чтобы эта Гермиона была в моей жизни. До свидания... — повернувшись на месте, он бесшумно исчез.

Гермиона была потрясена и потеряла дар речи; она никак не могла сформулировать внятный ответ на его тираду, поскольку единственная мысль, проходившая через нее, была: «Гарри любил меня, Гарри любил меня, Гарри любил меня...» со вздохом она повернулась, чтобы идти к дому, который был ранее занимали ее родители. Напряженный график пресс-конференций и

появлений для фотографий означал, что у нее было очень мало отдыха, и ей нужно было отдохнуть перед полетом, чтобы восстановить воспоминания своих родителей. Хотя Гарри и обронил бомбу, она не могла думать об этом сейчас, у нее будет много времени по дороге в Австралию, чтобы разобраться в своих мыслях по этому поводу; это будет очень долгое путешествие.

Общая сила, которую он не знает

Несколько дней спустя в Австралии...

«... и так Гарри ушел в ярости?» — спросила Эмма Грейнджер свою дочь, не то чтобы она винила его.

«Да, и я не могу сказать, что это было несправедливо; я никогда не осознавала, что Гарри был влюблен в меня. Я всегда считала Рона своим мужем».

Из-за того, что ее дочь была заиклена на Роне, у нее внезапно возникло сомнение: «Вы не ведете с ним половую жизнь, не так ли? Вы беременны?»

«Нет, мама! Я не беременна и не веду половой жизни», — мысль о том, чтобы сделать это с Роном, непреднамеренно отразилась на ее лице отвращением. «У него нет чувства гигиены...» — непрошено мелькнула в ее голове мысль.

Эмма быстро уловила это: «... и все же ты готова к браку с ним».

Гермиона вздохнула: — Я думала, что со временем станет лучше; исправь его поведение, понимаешь, смягчись. Однако ей пришлось признаться своей маме: «... но я не девственница».

Эмма грустно улыбнулась ей, ее сомнения относительно этого окончательно подтвердились. «Кто это был?» — мягко спросила она. — ...это было, как его звали, Кром?

Гермиона на мгновение смутилась: «Кром?... О! Ты имеешь в виду Виктора Крама, я даже не целовала его, нет..., это был не он».

Эмма Грейнджер была умной женщиной, и письма ее дочери дали ей множество подсказок: «Это был Гарри, не так ли?»

Гермиона грустно улыбнулась матери: «Это было однажды ночью после смерти Сириуса. Ему было так больно, но никто не мог утешить его. Он нуждался в этом утешении, и я дал ему его». Она сделала паузу, прежде чем продолжить вспоминать ту ночь: «... это был первый раз для каждого из нас, хотя мы делали это не раз в ту ночь. Насколько я знаю, это был единственный опыт для каждого из нас, и это был мой первый поцелуй. слишком...»

«... но ты взбесилась на него всего за несколько недель».

— Он обманывал маму! Он выбрал легкий путь, — сердито фыркнула Гермиона.

«Гермиона, дорогая! Мальчик или мужчина, с которым ты только что потеряла девственность, всегда особенный. Он должен был занимать особое место в твоём сердце, чтобы даже подумать об этом поступке».

На лице Гермионы было мечтательное выражение: «О! Это было особенное, мама; ну, «волшебство» описывает это лучше». После этого её эмоции сильно изменились: «... Но как я могла отпустить это, когда Гарри выбрал легкий путь? Он выиграл это зелье исключительно по инструкции из этой книги. .

«Гермиона, это был твой гнев из-за того, что он отодвинул тебя на задний план? Или это было действительно из-за того, что он ничему не научился?» — мягко спросила Эмма. Она знала, что в некоторых вопросах Гермиона упряма, а когда дело касалось занятий, то и того больше. Прежде чем Гермиона успела ответить, она продолжила: «Дорогой, разве ты не говорил, что Гарри был особенно слаб в зельях, и это тоже не по его вине. он мог бы?"

У Гермионы было задумчивое выражение лица, но она должна была признать слова своей матери. «Почему, когда дело касалось Рона, она могла упустить ситуацию, даже если это было совершенно очевидно, что Рон даже не пытался, но с Гарри она была непреклонна в том, чтобы он достиг совершенства?» Гермиона не могла не задаться вопросом: «Неужели это было связано с каким-то подсознательным желанием сделать Гарри идеальным, потому что она была так влюблена в него?»

Эмма мягко продолжила, пытаясь объяснить дочери, как работает мозг подростка: «... для него это могло быть шансом хоть раз сделать что-то хорошее в классе, который, как известно, был для него трудным. Да, это было короткий путь, но для него это была прекрасная возможность произвести на вас впечатление, показать вам, что он мог бы быть лучше в чем-то, если бы ему дали шанс».

Гермиона была ошеломлена; она никогда так не думала, но её мать доказывала ей: "Разве он не предлагал поделиться с тобой не только книгой, но и зельем, которое он выиграл?"

— Он действительно поделился зельем со всеми нами... — стыдливо вставила Гермиона.

Эмма многозначительно кивнула: «Ты хоть взглянула на дополнительные инструкции? Почему ты была так уверена, что они опасны?»

Гермиона начала сдвигаться; "Это все равно было неправильно", - слабо защищалась она. «А иначе как бы он научился? Он должен был выучить это должным образом, если он хотел попасть в программу авроров».

— Вы объяснили ему свои причины или просто разглагольствовали? Гермиона опустила голову, и смысл был ясен. «Ваше поведение по отношению к нему, несмотря на « волшебную » ночь, могло подсказать ему, что это была просто связь на одну ночь, и вас больше ничего не интересовало. Не дай бог, он подумал, что это не более чем вечеринка жалости!»

Гермиона фыркнула: «Не похоже, чтобы Гарри когда-либо показывал мне, что я ему интересна».

— ...и Рону было так очевидно? – бросила вызов Эмма.

"Да!" был ответ, подчеркнутый с одинаковой силой.

Эмма была в ярости: «Гермиона Джейн Грейнджер! Я тебе не верю».

"Мама!" — протестующе воскликнула Гермиона.

«То, что мальчик пускает на вас слюни или строит вам коровьи глаза, не означает, что он действительно любит вас, и в то же время, если мальчик этого не делает, это не делает его менее влюбленным в вас».

Гермионе хотелось возразить, но то, как Рон мельком взглянул на нее, заставляло ее пульс учащенно биться, а потом и его очаровательная улыбка! Но тут Гермиона вспомнила, как мальчишки пускали слюни на Флер и как отвратительно это выглядело для нее в то время, а Рон был в этом мастером. Она также вспомнила слова Гарри о том, как Рон пытался следовать книге «12 безотказных способов очаровать ведьм», и теперь она поняла, что без этой книги Рон вообще никогда не был бы Роном. В тот момент, когда Гарри сказал ей, это было так романтично, но теперь она могла видеть в этом иронию; неужели она была так поверхностна, что только книга могла позволить ей увидеть то, что она хотела увидеть? Она могла видеть, что рассматривала Рона в благоприятном свете, когда он следил за книгой, которую при необходимости можно было бы оскорбить. в то время как Гарри был злодеем, следовавшим книге, которая, вероятно, давала только короткие пути, например, учебник. Почему она не могла дать Гарри такую же свободу действий с книгой «Принц-полукровка»?

Изменив выражение лица своей дочери, Эмма возблагодарила небеса за то, что Гермиона наконец-то начала использовать свой грозный мозг, и поэтому она воспользовалась своим преимуществом: «Если бы у вас было что-то интересное, чем бы вы хотели поделиться, кто бы первым пришел вам на ум?»

Гермиона ответила без паузы или мысли: «Гарри».

— Если бы ты хотел поговорить о чем-то академическом, к кому бы ты обратился, к Гарри или к Рону?

"Гарри."

"Почему?"

Гермиона вздохнула, она наконец смогла понять, что пыталась сказать ей мать: «Гарри будет слушать меня, а Рон будет либо ругать меня за то, что я не в своем уме, либо в гневе топтать прочь».

«Кто откроет вам двери? Подождите, пока вы сядете, а потом садитесь?»

Гермиона знала, что ее побили; черт возьми, она не хотела выиграть этот спор, потому что в этом отделе между ними не было никакого сравнения. Потом она оживилась, в поведении Гарри не было ничего специально направленного на нее, «Гарри делает это для всех...» только для того, чтобы замолчать, поскольку ей пришлось упрекнуть себя, Гарри был очень вежлив со всеми, даже с Гринграссом, который был в Слизеринском факультете в то время. Рон был крайне предвзят. Его властное мнение распространялось даже на большинство вещей, которые любила Гермиона. Рон даже называл их хорошую подругу Луну «Сумасшедшей»; она знала, что имена могут быть обидными, даже если они не были произнесены со злым умыслом. Однако Гермиона не могла быть уверена, что в выборе Роном слов для рассеянной блондинки действительно не было злого умысла. Могла ли она действительно прожить свою жизнь с тем, у кого не было даже какой-нибудь обычной вежливости, не считая той, что была направлена к ней; но опять же, это, вероятно, действие, направленное по книге!

Гермионе очень хотелось убежать от матери, чтобы хорошенько все обдумать, но Эмма не обращала внимания на то смятение, которое она создала в мыслях дочери. «Предположим, что ты отозвала Рона, когда он занимался чем-то, что его действительно интересовало, например...» — и тут она замолчала, ошеломленная. Она ничего не знала о Роне, хотя была парнем Гермионы, но знала, что Гарри любит летать, готовить и заниматься садоводством, и все это было из писем Гермионы. Неужели ее дочь этого не понимала?

Гермиона уже печально улыбнулась. — ...квиддич, еда и шахматы; и не обязательно в таком порядке, — добавила она. В этом она не имела с ним ничего общего, и, по правде говоря, даже не считала их здоровыми занятиями; противоположности притягиваются, но это было смешно.

— Три вещи, к которым ты не имеешь никакого отношения... — согласилась Эмма. «Может, он оставит это и пойдет с тобой только потому, что ты хочешь, скажем, прогуляться?» она не ждала ответа, так как знала ответ: «...пока Гарри оставил свидание со своей девушкой, чтобы пойти с тобой, доверяя тебе, хотя и не знал, куда».

"Он знал меня дольше, чем знал Чжоу", - попыталась Гермиона, но ее дух был не в споре, поскольку мать запугивала ее по поводу самой большой ошибки, которую она совершила в своей жизни.

"Да, правда, но она была его девушкой!"

«Кто бросил его сразу после того инцидента», — напомнила Гермиона матери.

Эмма восприняла это только как обнадеживающий знак любви замечательного молодого человека к ее дочери: «Не все могут показать свою любовь или то, что они считают любовью, таким же образом, дорогой», — она сделала паузу, а мысленно добавила: «Поверь мне, у меня был личный опыт», но вслух она продолжила: «Некоторые, как Рон или даже этот мальчик Крам, слишком очевидны, а некоторые, как Гарри, тонкие, но, тем не менее, искренние».

Гермиона предприняла последнюю отчаянную попытку объяснить, почему она даже не рассматривала возможность того, что Гарри был в нее влюблен, «... но Гарри всегда нравились такие девушки, как Парвати, Чо, Луна или Джинни, которые великолепны».

Эмма согласилась с этим: «Может быть, но кому он больше всего доверял». С задумчивым взглядом она спросила: — А как насчет девушки, с которой встречался Рон, Лаванды Браун?

Гермиона фыркнула: — Она была классическим образцом пышногрудой блондинки.

Эмма сурово взглянула на нее: «Тем не менее, вы можете дать презумпцию сомнения, когда дело доходит до выбора Рона девушек и вас, но не Гарри. Это очень лицемерно с вашей стороны; Рон на самом деле встречался с этой девушкой намного дольше, чем Гарри, даже все девушки, с которыми он ходил на свидание, вместе взятые».

Гермиона нахмурила брови и обернулась: — Если подумать, Гарри встречался с Джинни только тогда, когда даже слепой летучей мышью было очевидно, что я твердо намерена поймать Рона. Он так и не вернулся к ней после того, как войну, как все думали, что он будет».

Эмма очень долго смотрела на свою дочь: «Как мать, я хочу лучшего для своей дочери, и мое сердце говорит мне, что Гарри — лучший, и это тоже из анекдотических свидетельств, но вы его знаете».

«Гарри действительно сказал мне, что любит меня, — напомнила Гермиона своей матери, — но чего я не понимаю, так это почему он никогда не говорил мне об этом раньше», — в отчаянии воскликнула она.

Эмма задумалась, но в конце концов встревожилась: «Вы думаете, он никогда не надеялся пережить войну?»

Гермиона была в ужасе, когда истина этого вопроса сильно ударила ее. «О, Боже мой», — воскликнула она и закрыла лицо руками, пытаясь остановить поток слез. 'Пророчество!' она кричала в своем уме; Выбор победителя между волшебником, который отличался безжалостностью и более чем пятидесятилетним боевым опытом, и кем-то, кто только что достиг совершеннолетия, был несложным.

Эмма погладила дочь по спине, пытаясь ее успокоить, и ответила сочувствующим тоном: «Если бы он хотел, чтобы ты была счастлива, меньше всего он хотел бы отношений с тобой. с вами он сдерживал бы себя, зная, что может не пережить войну, и добавил бы, что ваше отвратительное поведение по отношению к нему на шестом году обучения в школе убедило бы его, что отсутствие отношений с вами было бы лучшим выходом».

Гермиона со слезами на глазах посмотрела на мать. — Я сильно напортачила, не так ли?

«Да, дорогая, ты это сделала», — произнесла за нее мать.

Гермиона молчала, вероятно, анализируя все, что они обсуждали, под разными углами, пытаясь найти любые другие возможные объяснения для нее, чтобы защитить свое решение пойти за Роном. Как бы сильно она ни уставала, она не могла придаться ни к Гарри, ни к себе, разве что за исключением сделанного ею выбора ухажера. Рон был хорошим парнем, одним из ее лучших друзей, но если бы ей пришлось сравнивать его с Гарри, Рон совершенно не оправдал бы ожиданий хорошего бойфренда и лучшего мужа. Она была уверена, что сможет сформировать Рона так, как хотела, и именно поэтому преследовала его, несмотря на многочисленные ссоры между ними; но тогда захочет ли она быть властной и доминировать над своим мужем, как это делала Молли Уизли? Приведет ли это к счастливой супружеской жизни или ее муж найдет утешение в сарае, заполненном бессмысленным маггловским хламом? Это было не то, чего она хотела в замужней жизни; она хотела гармонии, но начинала опасаться, что никогда не добьется ее с Роном.

Чтобы прервать анализ Гермионы, Эмма начала делиться своим собственным опытом, о котором она поклялась никогда не рассказывать дочери. Это было слишком унижительно для нее даже по прошествии стольких лет, но если ее позор придаст дочери волю стремиться к лучшему, то она вынесет его. «До того, как я вышла замуж за Дэна, я была помолвлена с другим парнем». Глаза Гермионы расширились от удивления, она никак не ожидала этого.

Эмма криво усмехнулась: «Мой жених был очень популярным парнем, настоящим спортсменом, все девушки были за ним. Я не знала его очень хорошо, по крайней мере, не так хорошо, как я знала Дэна; Дэн, он был моим лучшим друг. Он был застенчивым, тихим и по-настоящему интровертом, но когда дела шли плохо, он всегда выходил наружу. Я никогда не думал, что Дэн интересуется мной; в конце концов, он был моим лучшим другом».

Эмма сделала паузу, пытаясь собраться с мыслями, но также дала Гермионе шанс выяснить сходство между их жизнями. Рон определенно не был спортсменом, но постепенно им становился; она видела, как слава ударила ему в голову, и он уже начал получать удовольствие от внимания всех девушек, требующих его внимания, даже с Гермионой на его руке. С другой стороны, Гарри был популярен, но он был полной противоположностью спортсмену, он никогда не пользовался преимуществом девушек, бросающихся на него; если вообще старался избегать их, насколько мог. Он определенно был похож на своего отца вплоть до своих моральных устоев. Гермиона могла видеть, что любые отношения с Гарри будут крепкими, как скала, а не просто полет фантазии, несмотря на его известность.

Ее мысли были прерваны ее матерью: «За месяц до того, как я должна была выйти замуж, Дэн

пришел в дом моих родителей и сильно потряс меня. Он сказал мне, что любит меня, но теперь он не мог узнать женщину, в которую я превращаюсь. ... — она была прервана вздохом, но продолжила после жеста Гермионы, — ... его точными словами были: «Эмма Робинсон, которую я знал, была не хихикающей фанаткой; она была уравновешенной зрелой женщиной. Я не узнаю эту новую женщину, которая заменила ее», сказав это, он попрощался со мной и ушел». Несколько слезинок начали блестеть в ее глазах.

Гермиона посмотрела на мать со слезами, грозящими брызнуть из глаз. — Почти то же самое сказал мне Гарри.

Эмма резко посмотрела на нее: «Правда? Он сказал признать или просто понять?»

Гермиона действительно не уловила намерения своей матери, но все же ответила: «Понятно, кроме хихикающей фанатки».

Эмма понимающе кивнула: «Дэн хорошо понял новую Эмму, он понял, во что я превращаюсь, но он не смог признать новую меня как Эмму, которую он любил, и ему совсем не нравилась новая Эмма».

Слезы на глазах Гермионы начали переливаться через край: «Гарри тоже не хотел, чтобы эта мелочная, эгоистичная и безрассудная Гермиона Грейнджер была в его жизни».

Эмма вытерла несколько случайных слез с глаз: «Я была потрясена, но я также злилась на Дэна. Я собиралась жениться. Я ругалась и бредила два дня, но когда я успокоилась, я поняла, что Дэн никогда не лгал мне, возможно, он пытался сохранить свою любовь ко мне в тонких жестах, которые я предпочел интерпретировать иначе, но он всегда присматривал за мной». Она болезненно выдохнула: «Я пошла к друзьям моего жениха и потребовала рассказать, что расстроило Дэна, и в конце концов они сказали мне, что Дэн ссорился с ним. его», и после того, как он трахал меня всеми возможными способами, он переходил к следующему в очереди».

"Нет!" Гермиона в ужасе закричала, прикрывая рот. Ее реакция была очень мягкой по сравнению с состоянием ее матери; даже по прошествии многих лет это воспоминание все еще было для Эммы болезненным. Гермиона обняла мать, пытаясь успокоить ее боль.

Эмма обрела самообладание и умоляюще посмотрела на Гермиону: «Я не говорю, что Рон сделает это, дорогая». Она умоляла дочь: «Его чувства и поведение по отношению к тебе вполне могут быть искренними, но я должна попросить тебя хорошенько подумать. Мог ли Рон, откровенно солгав, дискредитировать своего лучшего друга, того, кто не только спас Рону жизнь, но и что его отец и сестра в очень большой опасности для себя. Разве он не нашел бы способов, чтобы выглядеть хорошо против вас, даже если он был не прав? Поддержал бы он ваши достижения, когда его очевидная ревность заставила его бросить Гарри и вас в Будет ли он по-настоящему рад за вас или попытается провозгласить это своим достижением, поддержит ли он даже карьеру, которая может принести вам большее признание, чем он?»

«Я всегда немного не уверена в себе из-за того количества красивых девушек, которые пытаются привлечь внимание Рона теперь, когда он знаменит», — мягко призналась Гермиона. «Удивительно, но с Гарри такого никогда не было. С ним я всегда чувствую себя в безопасности... и в безопасности».

Они посидели в тишине несколько мгновений, прежде чем Эмма решила закончить свой рассказ: «Я была опустошена и, естественно, отменила свадьбу, но я уже спала с ним. Я была в нормальном состоянии неделю и обнаружила, что это стало еще хуже из-за отсутствия одного Дэна Грейнджера. Я обыскал все места, которые посещал Дэн, но не смог его найти». Эмма резко выдохнула: «Твоя бабушка спросила меня, люблю ли я Дэна Грейнджера».

Гермиона получила ослепительную улыбку от матери на эти слова, на которые она не могла не ответить. «То, что я знал в глубине своего сердца, самовольно слетело с моих губ в то время; я любил Дэна Грейнджера. Я был полностью и полностью влюблен в Дэна Грейнджера».

Эмма прервала мысли Гермионы: «Что бы ты ни делала, дорогая, поговори с Гарри; проанализируй свои чувства, но прежде всего извинись перед ним за свое поведение и потворство вопиющей лжи Рона. Если нужно, проведи пресс-конференцию. вместе с Роном, затем объясните это Гарри, но если вы понимаете обратное, то умоляйте его, умоляйте его, как я делал с Дэном, дать вам еще один шанс». Она красиво рассмеялась, а затем изогнула бровь, глядя на Гермиону.

В течение времени, которое она потратила на поиски своих родителей, Гермиона ничего не делала, кроме как пережила все годы и свои взаимодействия с Гарри и Роном. Если исключить шестого года, то в конечном счете Гарри всегда заставлял ее улыбаться, а Рон — плакать. Когда ее мать пролила новый свет на вероятные чувства Гарри к ней и его причины держать ее на расстоянии вытянутой руки, Гермиона перефразировала свои наблюдения. В ее сердце всегда было особое место для Гарри, и было ясно, что она очень важна для него. Даже несмотря на ссору на шестом курсе, Гарри пытался уладить с ней отношения, но Рон и Лаванда только пытались ткнуть ей это в лицо. Даже когда она была не в ладах с Гарри, он все равно подставлял ей плечо, чтобы поплакаться, и даже оставил Луну, чтобы помочь ей во время вечеринки Слагхорна. Рон, с другой стороны, начал хорошо относиться к ней только после того, как расстался с Лавандой, это все из-за этой книги? К настоящему времени она была убеждена, что это так.

Несмотря на стресс от охоты за хоркруксами, именно Гарри и Гермиона сблизились и сделали большую часть работы, несмотря на постоянное нытье Рона. После событий в поместье Малфоев именно в объятиях Гарри она нашла утешение на ночь; хотя они просто обнимали друг друга и больше ничего, она чувствовала себя в безопасности, что-то, что ей пришлось усердно искать, когда Рон пытался ее утешить. Когда она была с Гарри, ее собственные чувства всегда были на первом месте, но с Роном они всегда были его. Затем во время охоты она столкнулась с Гарри, а не с Роном, только из-за данного обещания, или любовь к Гарри заставила ее остаться с ним? Она не была уверена, но в одном она была уверена: она всегда предпочитала Гарри другим, будь то Крам, Рон или даже ее родители. Если это была не любовь, она не знала, что это было!

Как получилось, что она забыла обо всем этом и тосковала по Рону, когда она почти всегда

искала безопасности и уверенности в Гарри? Она не могла объяснить, почему никогда больше не хотела повторять их ночь страсти, ведь это был лучший опыт в ее жизни. Гермионе стало интересно, если бы она повторила этот опыт до того, как чертова книга по зельеварению вбила клин между ней и Гарри, были бы они уже женаты? Она не знала, но одно было ясно: на протяжении всего этого Гарри был ее миром, Гарри был ее скалой, Гарри был ею..., поняла она с невольным вздохом... ее любовью и родственной душой.

Гермиона покачала головой и с улыбкой, которая чуть не расколола ее лицо, ответила на незаданный вопрос матери: «Мама, я без остатка влюблена в Гарри Поттера». Эмма улыбнулась дочери и крепко обняла ее, все ее тревоги испарились.

Гермиона, тем не менее, слабо улыбнулась ей: «...но я пыталась найти его прямо перед моим полетом сюда, мама, я даже не смогла войти на площадь Гриммо. Возможно, у меня не будет такого счастливого конца, как у тебя».

Эмма хихикнула, как маленькая девочка: «Я дам тебе совет, который дала мне моя мама: «Да, ты искала его, а теперь ищи его».

Общая сила, которую он не знает

Гермиона чувствовала себя ошеломленной, откровения, которые принес разговор с ее матерью, и ее собственные напряженные эмоции заставили ее уйти на пенсию раньше. Она вошла в свою комнату, но была так рассеяна своими мыслями, что поняла, что кто-то ее ждет, и так вздрогнула, когда мужчина сказал удивительно нежным голосом: «Осознала это немного поздно, не так ли?»

Гермиона чуть из кожи не выпрыгнула и отчаянно искала палочку, но не могла вспомнить, куда ее положила. Она ругала себя, «где была постоянная бдительность», когда она в ней нуждалась? "Кто ты?" ей удалось достаточно успокоить нервы, чтобы спросить мужчину. Теперь, когда у нее была возможность увидеть его как следует, Гермиона была в восторге от ауры, которую излучал мужчина. Он был одет во все белое, и у него была борода длиннее, чем у Дамблдора, и если бы ей нужно было дать ему имя, он был бы «Гэндальфом Белым» из книги «Властелин колец».

«Я творец», — ответил мужчина без всякого пафоса.

Рот Гермионы открылся от шока: — Ты шутишь! воскликнула она наконец.

«Известно, что я иногда шучу, — ухмыльнулся мужчина, — но сейчас нет, я не шучу».

У Гермионы не было слов, она просто потеряла дар речи и продолжала недоверчиво смотреть на мужчину; мысль о том, чтобы поставить под сомнение личность этого человека, никогда не приходила ей в голову. Тем не менее, она не могла совладать с полнейшим страхом, охватившим ее живот; она инстинктивно знала, что что-то не так. «Что ты скрываешь от меня?

«Что ты мне не говоришь?» — спросила она без меньшего количества паники.

Мужчина, представившийся создателем, проигнорировал ее и продолжил с того места, на котором остановился: «Я создал вас двоих, Гермиону Грейнджер и вашу родственную душу Гарри Поттера, только по одной причине: чтобы отразить тьму, которая угрожала захватить мир. Гарри Поттер и вы были единственными, кто был способен на это, а затем прожили вместе счастливую жизнь; вы были идеальными родственными душами».

Во время выступления удивление Гермионы постепенно сменилось любопытством, и теперь ее глаза загорелись: «О! Не та мистическая вспышка света при первом поцелуе, которая должна была быть с твоей родственной душой...»

Ее энтузиазм даже не был замечен, поскольку создатель бессвязно продолжал: «... вы должны были идеально дополнять друг друга, без второй половины вы были бы далеко не идеальными. Вы бы обуздали импульсивность Гарри Поттера; если бы у него был кто-то, вы знаете ..., чтобы как-то вернуться домой, он был бы более осторожен. О! Он бы все равно прыгнул бы на опасность, ведь он все-таки такой, но он бы огляделся раньше. Вы бы сделали его лучше, отвергнув его укоренившуюся привычку не успевать».

Гермиона ахнула от шока, она всегда считала Гарри умным, но не прилагала усилий из-за своей лени, но теперь она знала иное. Создатель бросил на нее понимающий взгляд: «...да, его родственники на своей шкуре научили его тому, что оказаться умнее своего кузена — это быстрый путь к голодной смерти, а вы знаете, что старые привычки умирают с трудом. Так не должно было быть. ; они должны были быть только жесткими приверженцами дисциплины, но... — он пожал плечами.

Слезы снова навернулись на ее глаза, она думала, что израсходовала все, что могла, во время разговора с матерью, но сегодня у нее явно был бесконечный запас. 'Ой! Гарри. Мне очень жаль; Я должен был что-то сделать. Я должен был заметить признаки, — она могла только посочувствовать самой себе.

Создатель еще не закончил: «Гарри, в свою очередь, научил бы вас, что единственный, кому вы действительно должны доказывать, это вы сами, а не ваши учителя и, конечно, не ваши сверстники. Он сделал бы вас более общительным, и это научило бы вас что авторитетные лица не совсем безошибочны. У них есть свое мнение, которое не всегда должно быть правильным, в конце концов, они люди ».

На этот раз создатель выглядел раскаявшимся: «Я признаю, что не облегчил жизнь ни одному из вас. У вас обоих не было братьев и сестер, поэтому бескорыстная любовь, которую вы испытывали друг к другу, была классифицирована обоими как любовь к брату и сестре. из вас. Это было дальше всего от истины: желание защитить другого любой ценой, даже жертвуя собой, то есть любовь родственной души, а не брата или сестры».

Гермиона была благодарна, что это не вина ее или Гарри; в основном они были введены в заблуждение самой высшей властью. Создатель устало вздохнул: «Обычно я не проявляю

активного интереса к жизням, которые я создал, после того, как они были отправлены на землю, но вы оба были особыми случаями. Я должен был более внимательно подойти к вам обоим. до шестого года у тебя все будет хорошо; я думал, что твоя родственная душа, делающая все хорошо, порадует тебя, но этого не случилось. Это только показывает, что даже я не знаю наверняка, что происходит в уме женщины». Он драматично вздохнул, и Гермиона хихикнула, несмотря на ситуацию: — Боюсь, я не учел твоего упрямства и твоей яростной приверженности правилам, которые не были смягчены из-за твоей неспособности установить связь с Гарри Поттером.

Создатель повернулся к Гермионе суровым взглядом, который напугал ее: «Все это значительно облегчило бы задачу, для которой вы были рождены, вместо этого Гарри Поттер был убит Волдемортом, и мне пришлось использовать свою особую привилегию, чтобы отправить его обратно. ."

Этого было достаточно, чтобы вывести Гермиону из шока. — Подожди минутку, отправить его обратно? Мне сказали, что частица души Волдеморта в нем защищает его.

Создатель снисходительно улыбнулся ей: «Смертельное проклятие удаляет душу, и оно никогда не бывает выборочным или останавливается только на одном».

Гермиона была в ужасе от последствий этого; Дамблдор не знал об этом? Даже несмотря на шок, она хотела знать: «... но мы с Гарри целовались и даже больше; разве мы уже не должны были сформировать душевную связь?»

— Нет, если он уже был связан.

Гермиона была озадачена; насколько она знала, не могло быть никого другого, с кем мог бы быть связан Гарри, и уж точно не с Чжоу. Но затем ее осенило: «У Гарри была душевная связь с Волдемортом?» — недоверчиво спросила она. Ужасное чувство, которое она испытала при виде творца в своей комнате, вдруг многократно усилилось.

«В нем была застряла часть души этого человека, как вы думаете?» – ответил создатель.

Его заявление встретило молчание, но для Гермионы оно прозвучало как похоронный звон. «Ты же знаешь, что происходит, когда связанный супруг должен умереть, а душевная связь разорвана, не так ли?»

Все ее опасения теперь подтвердились: «Да, — ответила она со слезами на глазах, просачивающимися в ее голос, — магия другого помощника теряет контроль и разрушает тело за короткое время».

«Если бы его магия нашла свою предполагаемую пару вскоре после того, как связь была разорвана, его можно было бы спасти. Да, это было бы болезненно, но он не потерял бы свою жизнь».

Пенни наконец упал, и Гермиона была безутешна; К счастью, комната была полностью звуконепроницаемой, поэтому ее крики невыносимой боли не услышала ни одна другая живая душа. «Нет, я этого не приму. Ты создатель, верни его», — потребовала она.

Творец пожал плечами, как будто его это не заботило; честно говоря, он уже говорил с Гарри, и молодой человек был недоволен. Когда ему рассказали о плане, который хотел реализовать создатель, Гарри отправил его поговорить с Гермионой; он доверял ей принять окончательное решение, выгодное всем, а не только ему. Теперь, когда создатель был в царстве смертных и услышал дискуссию между матерью и дочерью, он был уверен, что его план будет приведен в действие; но он хотел прояснить некоторые вещи с Гермионой, не то чтобы она вспомнила разговор, когда придет время, но он был готов предоставить им информацию, когда это необходимо.

«У меня был подстановочный знак для таких случаев, но для Гарри Поттера я уже использовал его, чтобы вернуть его к жизни после того, как он был убит Волдемортом, так как порча должна была быть удалена. С туманом испорченной души поднялась, мысли и чувства Гарри впервые в жизни были ясны, но было немного поздно, его магия уже вышла из-под контроля, он точно знал, кто его родственная душа, но в то же время был уверен, что она не знала об этом. Даже если бы вы знали, вы выглядели нежелательными принять это, как было видно по тому, как вы бросались на его лучшего друга, который на самом деле оказался болтливым болтуном».

Гермионе была знакома поговорка о том, что важность человека нельзя по-настоящему узнать, пока этот человек не перестанет быть с тобой. Шок от смерти Гарри поразил ее с силой динамитной шашки, взорвавшейся ей в лицо. Она не смогла бы остановить поток слез, даже если бы захотела; потерю лучшей подруги не могла восполнить даже мысль об улыбающемся Роне; ибо за каждой мыслью о смеющейся рыжей неизбежно следовали бесчисленные отпоры, унижения и откровенные оскорбления.

Наконец-то Гермионе стало ясно, что Гарри переносил оскорбления; одно его присутствие, его нежная улыбка и даже его молчаливая поддержка много значили для нее. Она поняла, что стала жертвой старой поговорки «ссориться, как пожилая супружеская пара». В глубине души Гермиона знала, что то, что она сделала с Роном, не было ссорой, она не спорила с ним, а некоторые даже могли сказать, что они подрались. Она задавалась вопросом, почему она никогда не принимала этот факт. Ответ невольно дал о себе знать, она выбрала более легкий путь, чем бороться против общепринятого взгляда, который явно был во всех смыслах неверным; она поддалась давлению ожиданий.

Гермиона вытерла слезы, хотя бы для того, чтобы дать место новым. Все эти мысли, эти осознания были теперь ей ни к чему; Гарри ушел навсегда, «Возьми меня к Гарри», умоляла Гермиона создателя, «Я не могу жить без него. Не знаю, как я не понимала этого раньше, но для меня здесь больше нет жизни без Гарри».

Творец смотрел на нее с сочувствием, но внутри он танцевал от радости: «Наконец-то!» он думал. Это освободило бы место для его плана гораздо более светлого будущего для волшебного мира, чем то, что ему было суждено без влияния Гарри и Гермионы Поттер. Ему еще предстояло внедрить несколько крупниц информации в подсознание Гермионы, как он уже

сделал для Гарри.

«В вашей жизни было два случая, когда крестраж в «Гарри Поттере» был близок к тому, чтобы его удалили легким толчком».

Гермиона была сбита с толку, но, что более важно, у нее больше не было интереса слушать, поскольку она всем сердцем надеялась, что скоро сможет прыгнуть в объятия своей второй половинки. Однако голос создателя заставил ее обратить внимание: «Первый был, когда Гарри Поттер уничтожил тело, в котором обитал дух Волан-де-Морта на первом курсе, и он снова превратился в привидение. Другой был, когда он уничтожил одного из Крестражи Волдеморта в следующем году».

"Проклятый дневник!" Гермиона яростно выругалась, прервав тираду создателя.

«... Частица души внутри Гарри Поттера чувствовала разрушение и ерзала, чтобы выбраться наружу, опасаясь за себя. Да, если бы она была удалена в то время, она была бы уничтожена, но частица души этого не знала. В любом случае, если бы вы оба сформировали свою собственную душевную связь, как это и должно было быть, тогда часть души в Гарри Поттере была бы уничтожена, и это не было бы слишком болезненно, по крайней мере для вас. Ваша магия была более совместима, чем магия Волдеморта, и поэтому она легко вытеснила извращенную душевную связь и ухватились за магию Гарри Поттера, что привело к разрушению части души. Вам не нужно было формировать связь сразу после инцидентов, была дана пара недель».

Гермиона не могла ничего сказать; она только сожалела, что у нее не было этой информации, когда она была нужна. Опять же, это был создатель; не похоже, чтобы он написал какие-либо книги на эту тему. Создатель вывел ее из размышлений: «Несмотря на то, что твоя была лучшей, я даже добавил пару других, которые могли бы занять твое место в худшем случае. Следующей ближайшей была Луна Лавгуд, а затем Джинерва Уизли, но у них обоих был очень маленький шанс образовать связь, достаточно сильную, чтобы изгнать часть души, и ни один, как только связь была разорвана».

— Но у нас был секс, — запротестовала Гермиона.

— Да, — согласился создатель, — ...но это было после возрождения Волан-де-Морта и укрепления связи между их душами. Если бы ты отдал себя Гарри Поттеру после того, как Волан-де-Морт был мертв, это разрушило бы трещину в душе Гарри Поттера, не только восстановив его, но и укрепив, вы были бы Гермионой Поттер».

Гермиона задумчиво пошевелила губами. — Значит, в любое время на первом или втором курсе мы могли бы поцеловаться, а затем завершить душевную связь?

Создатель немного нервно рассмеялся, вспыльчивость Гермионы Грейнджер была легендарной даже в небесных сферах, соперничая с Лили Поттер. «Поцелуй не завершил бы душевную связь, это всего лишь миф. Для этого нужен акт чистой любви...»

Гермиона чуть не завизжала от возмущения: «Ты хотел, чтобы мы занялись сексом в первый год».

Создатель съезжился: «Я признаю, что одиннадцать и двенадцать было слишком рано, но любое время до того, как Волдеморт получил тело, было бы идеально».

После этого Гермиона немного успокоилась, ей было бы пятнадцать, а Гарри четырнадцать на четвертом курсе. Святочный бал был бы идеальным; она могла представить себе романтическую обстановку, ведущую к поцелуям, а затем и к чему-то большему. Это изображение вызвало на ее лице ласковую улыбку, но все рухнуло, когда она вспомнила: «... но все это бесполезно, не так ли?» Гермиона вздохнула.

Создатель проницательно посмотрел на нее: «Готовы ли вы потерять свою индивидуальность? Готовы ли вы быть «одним целым» с Гарри Поттером?»

Гермиона помолчала, хотела бы она быть безмозглым трутнем, не имеющим права голоса, — нет. «Могу ли я потерять свою индивидуальность?» она спросила.

Впервые у создателя была искренняя улыбка, и он просиял ей: «Нет! Ты будешь сама по себе, но ты будешь известна как партнер Гарри Поттера».

Она могла бы жить с этим. «Да, я готова умереть и присоединиться к Гарри», — убежденно ответила она.

Создатель от души посмеялся над ней: «О! Ты не умрешь, ты будешь жить со своей второй половинкой».

Гермиона не понимала, как такое возможно, если только; ее глаза расширились от намека: «Нет!» — воскликнула она. — Вы не можете этого сделать, вы не можете повернуть время вспять.

Творец выглядел оскорбленным: «Я творец, конечно, я могу это сделать. Кроме того, я не собираюсь повернуть время вспять, я собираюсь переписать время». Создатель начал спутываться, как будто готовясь вернуться туда, где он должен был быть, и делать то, что он должен был делать.

"Подождите! Я буду помнить что-нибудь из этого?"

Создатель одарил ее хитрой улыбкой: «Нет, но ты запомнишь одну вещь».

«...И что?» — нетерпеливо спросила Гермиона.

«Поговори с Гарри Поттером».

<http://tl.rulate.ru/book/74868/2106212>